

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ Львовичъ
Апухтинъ.

(Изъ воспоминаній педагога).

Александръ Львовичъ Апухтинъ назначенъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа въ 1879 году, послѣ смерти попечителя Витте. Въ годъ назначенія попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтина происходили безпорядки и бунты почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на избраніе кандидата на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, Императоръ Александръ II спросилъ его: „Въ какихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не было безпорядковъ?“ Министръ отвѣтилъ: „Въ Московскомъ межевомъ институтѣ“. На вопросъ Государя, кто состоитъ директоромъ Московскаго межевого института, министръ отвѣтилъ: „Апухтинъ, Ваше Императорское Величество“. Государь соизволилъ назначить Апухтина попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа. Такъ состоялось назначеніе на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Александра Львовича Апухтина.

Александръ Львовичъ Апухтинъ въ своей дѣятельности обнаруживалъ замѣчательный государственный умъ, обширный умственный кругозоръ, твердую непреклонную волю въ осуществленіи предначертаній, связанныхъ съ пользою и нуждами государства, и глубокой русской патріотизмъ и преданность престолу и отечеству.

Въ своей многоплодной дѣятельности А. Л. Апухтинъ всегда обнаруживалъ драгоцѣнныя качества своей души: на высокомъ ад-

министративномъ посту онъ являлся не только государственнымъ дѣятелемъ, но и гуманнымъ человѣкомъ, ратовавшимъ за благо и славу Россіи, за честь русскаго имени; онъ всегда отзывчиво относился къ интересамъ и нуждамъ русскаго человѣка, особенно къ такимъ, которыя вызывались нравственно-религіозными и національными потребностями русскаго человѣка и былъ чутокъ къ нуждамъ и горю своихъ подчиненныхъ. Гдѣ возникали подобныя потребности, онъ охотно несъ свою помощь, оказывалъ содѣйствіе активно и авторитетомъ своей власти и своего положенія.

Такую помощь оказывалъ онъ Радомскому православному обществу въ самую тяжелую и безвыходную для него пору. Когда въ концѣ 1887 года единственная въ Радомѣ приходская соборная церковь, вслѣдствіе обнаружившихся трещинъ и ветхости, была закрыта, православное общество г. Радома очутилось въ удручающемъ положеніи. Оторванное условіями службы отъ всего, что дорого сердцу русскаго человѣка на родинѣ, оно лишилось единственнаго утѣшенія, когда русскій человѣкъ чувствуетъ себя вполнѣ русскимъ и православнымъ,—утѣшенія молиться въ храмѣ и слушать величественныя пѣснопѣнія на славянскомъ языкѣ. Когда, за отсутствіемъ въ Радомѣ сколько-нибудь подходящаго помѣщенія для устройства временной церкви, назначенная по распоряженію радомскаго губернатора Майлевскаго комиссія, къ которой принадлежалъ и директоръ гимназій, остановилась на мысли просить военное вѣдомство уступить часть казармы, находящейся за городомъ, въ мѣстности крайне неудобной, для устройства временной церкви, директоромъ было доложено объ этомъ Апухтину и высказана просьба православнаго русскаго общества ходатайствовать предъ его превосходительствомъ о разрѣшеніи устроить временную церковь въ актовомъ залѣ Радомской мужской гимназій. Александръ Львовичъ Апухтинъ съ чувствомъ добраго христіанина, съ отзывчивостію истинно-русскаго человѣка, охотно далъ на это свое согласіе. При этомъ А. Л. Апухтинъ сказалъ директору гимназій слѣдующія достопамятныя слова: „Временной церкви и не подобаетъ быть въ другомъ мѣстѣ, какъ только у Васъ въ гимназій, въ нынѣшней актовомъ залѣ, гдѣ былъ уже христіанскій храмъ. Передайте губернатору и радомскому православному обществу, что я охотно принимаю къ сердцу положеніе православныхъ людей въ Радомѣ и разрѣшаю устроить церковь въ зданіи гимназій, а Вамъ поручаю принять мѣры къ скорому устройству церкви и безпрепятственному отправленію богослуженія во внѣучебные часы“. Директоръ гимназій спросилъ, какъ поступить съ помѣщающеюся въ актовомъ залѣ фундаментальною библіотекою, закрыть ли стеклянные

шкафы занавѣсками или перенести библіотеку въ нижній этажъ, при чемъ высказано было мнѣніе о затруднительности перемѣщеніи десятиаршинныхъ шкафовъ, которые складывались на мѣстѣ. На эти слова директора гимназіи Александръ Львовичъ энергично отвѣтилъ: „Рубите шкафы, устройте катки для спуска шкафовъ въ нижній этажъ, но въ храмѣ не мѣсто библіотечнымъ шкафамъ. Если нужны будутъ средства для переноса библіотеки и приспособленія актовой залы подъ церковь, войдите съ ходатайствомъ объ ассигнованіи потребной суммы изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи“. Временная церковь пробыла въ зданіи гимназіи 13 лѣтъ и, по созданіи новаго собора, была обращена въ гимназическую церковь. Оказанная Радомскому православному обществу Апухтинымъ услуга была весьма велика.

Апухтина многіе называли суровымъ, даже жестокимъ, относившимся къ людямъ безпощадно и приносявшимъ часто человѣка въ жертву идеѣ, но это поверхностное мнѣніе ошибочно: подъ суровою наружностію, его нависшими бровями и часто хмурымъ лицомъ таилось гуманное, доброе и отзывчивое сердце. Онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ безъ крайней государственнаго характера необходимости, никого не оставилъ безъ куска хлѣба. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведу примѣръ изъ практики Радомской гимназіи. Былъ въ гимназіи учитель польскаго языка, Л., не соотвѣтствовавшій своему назначенію и даже компрометтировавшій заведеніе. По временамъ онъ выпивалъ. Одно время начали замѣчать, что все то, что дѣлалось и говорилось въ засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи, на другой день съ мельчайшими подробностями было извѣстно всему городу. Долго недоумѣвали объ освѣдомленности горожанъ въ педагогическихъ дѣлахъ. Наконецъ, обнаружилось, что послѣ засѣданія педагогическаго совѣта Л. отправлялся въ одинъ изъ ресторановъ и за рюмкою вина передавалъ благопріятелямъ мельчайшія подробности всего, что происходило въ педагогическомъ совѣтѣ. Несмотря на дѣлаемые директоромъ гимназіи Л. увѣщанія и предостереженія, онъ аккуратно и систематически продолжалъ роль рестораннаго репортера о дѣлахъ гимназіи, и чѣмъ серьезнѣе были дѣла и касались большаго числа заинтересованныхъ лицъ, тѣмъ болѣе повѣствованія Л. подслащались венгерскимъ и другими питьями, и выпивки эти настолько бывали чувствительны для Л., что послѣ засѣданія педагогическаго совѣта онъ почти всегда не приходилъ въ гимназію. Приходилось доложить дѣло о Л. Александру Львовичу Апухтину и просить о переводѣ Л. изъ Радома. Выслушавъ докладъ, попечитель спросилъ директора: „Что онъ семейный человѣкъ и, пожалуй, есть дѣти?“

Когда директоръ доложилъ, что Л. семейный человекъ и имѣеть четверыхъ дѣтей, Апухтинъ рѣшительно отвѣтилъ: „Я не выброшу на улицу семейнаго человека; терпите. Скажите Л., что я даю ему годъ времени на пріисканіе другой службы“. Черезъ годъ Л. ушелъ. Доказательствомъ того, что Александръ Львовичъ щадилъ людей, служить одиссея нѣкоторыхъ учителей, перебивавшихъ во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ округа, которые, несмотря на такія принудительныя странствованія, были щадимы на службѣ до выслуги пенсіи.

Александръ Львовичъ любилъ дѣтей, участливо относился къ нимъ, понималъ дѣтскую натуру. Въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Радомскую гимназію, какъ-то директоръ сходилъ съ Александромъ Львовичемъ по гимназической лѣстницѣ; въ нижнемъ этажѣ передъ ними пара мальчугановъ рѣзвилась и шалила; увидя попечителя и директора, ученики раскланялись и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали свою возню. Нужно замѣтить, что если рѣзвость малолѣтнихъ учениковъ не носила рѣзкаго и небезопаснаго характера, директоръ не противился, если дѣти рѣзвились и въ его присутствіи, по этому-то мальчуганы и въ присутствіи попечителя не измѣнили своей тактики, справедливо рассуждая, что для нихъ ближайшее начальство важнѣе дальнѣйшаго, хотя бы оно было и болѣе высокаго сана. На вопросъ попечителя: „Чьи такія дѣти?“, директоръ отвѣтилъ и прибавилъ, что хорошія дѣти, только очень рѣзвыя. На это попечитель директору отвѣтилъ съ чувствомъ: „Велика бѣда, если ребенокъ порѣзвится; когда же и порѣзвится, если не въ дѣтскомъ возрастѣ: не намъ съ Вами рѣзвится въ наши годы“. Александръ Львовичъ Апухтинъ очень цѣнилъ въ ученикахъ примѣрное поведеніе, особенно при рѣшеніи вопроса о переводахъ и при присужденіи аттестата зрѣлости и не разъ говорилъ директорамъ гимназій: „Если, какъ Вы, государь мой, говорите, ученикъ отличнаго поведенія, почему же не сдѣлать такому ученику снисхожденія; если онъ въ аористѣ и не силенъ, то можетъ пополнить свои познанія впоследствии, а можетъ быть знаніе аориста ему и не пригодится въ жизни; если изъ него выйдетъ хорошій человекъ и полезный гражданинъ, то это важно, и такому ученику всегда можно оказать снисхожденіе, особенно если онъ былъ прилеженъ“. Александръ Львовичъ не любилъ, чтобы ученики были обременяемы запятіями чрезмѣрно; онъ требовалъ отъ учащихся труда посильнаго и равномернаго; всегда заботился, чтобы учащіеся во время каникулъ могли надлежащимъ образомъ отдохнуть, а потому неоднократно, особенно если августъ мѣсяцъ былъ жаркій, частнымъ письмомъ директорамъ

гимназій, черезъ посредство правителя канцеляріи округа, сообщалъ о неимѣніи съ его стороны препятствій къ началу уроковъ въ гимназіяхъ около 25 августа, вмѣсто 16 числа.

Попечитель Апухтинъ умѣлъ правильно взглянуть и на проступки учениковъ и на сопровождавшія ихъ обстоятельства. Когда обнаружено было пріобрѣтеніе учениками гимназіи темъ испытаній зрѣлости, то, наложивъ на учащихъ, согласно винѣ каждого, строгое наказаніе, Александръ Львовичъ просилъ, однако, директоровъ гимназій не уменьшать на аттестатѣ зрѣлости ученикамъ отмѣтки по поведенію, потому что, какъ онъ выразился: „очень ужъ былъ силенъ соблазнъ для учениковъ пріобрѣсть темы и трудно было не соблазниться“, и предложилъ директорамъ внушить провинившимся учащимся, чтобы они „во всю свою жизнь жили не ложью, а правдою“.

Но въ вопросахъ принципіальныхъ, общегосударственнаго характера Александръ Львовичъ не допускалъ никакихъ послабленій и компромиссовъ, не дѣлалъ никакихъ уступокъ и былъ непреклоненъ. Имъ руководили въ этихъ дѣлахъ только высшіе принципы права, справедливости и государственныхъ интересовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ стремился непоколебимо къ достиженію намѣченной цѣли, къ преодолѣнію всѣхъ препятствій, иногда, казалось, непреодолимыхъ. Стремленіе въ такихъ случаяхъ къ достиженію интересовъ государственныхъ, высшая правда въ лицѣ Государя и милость Монарха доставляли ему побѣду. Вотъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ его службы въ Привислинскомъ краѣ. Въ журналѣ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, отъ 13 января 1881 года, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада варшавскаго генералъ-губернатора за 1880 годъ, говорится, что генералъ-адъютантъ Альбединскій, останавливая вниманіе, между прочимъ, и на томъ, „что преподаваніе, безъ законодательныхъ постановленій, производится на русскомъ языкѣ, полагаетъ, чтобы предоставить гминнымъ и сельскимъ сходамъ избирать учителей для своихъ училищъ, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ; во-вторыхъ, предоставить священникамъ исключительное право занимать мѣста законоучителей начальныхъ школъ, и, наконецъ, польскій языкъ долженъ быть обязательнымъ предметомъ обученія въ народной школѣ Царства“. Предоставленіе гминнымъ сходамъ права избирать учителей для своихъ школъ вырывало начальную школу изъ рукъ правительства, несмотря ни на какой контроль, Апухтинъ видѣлъ, какая опасность угрожаетъ общественной школѣ Привислинскаго края, и сумѣлъ предовратить эту опасность.

Еще разительнѣе былъ слѣдующій фактъ. Когда между гене-

раль-губернаторомъ Гурко и попечителемъ Апухтинымъ возникли служебныя тренія, и Гурко, помимо Апухтина, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о предоставленіи ксендзамъ права быть попечителями мѣстной школы, и такое Высочайшее повелѣніе было сообщено Апухтину къ исполненію, Александръ Львовичъ своимъ государственнымъ умомъ понялъ, какое направленіе приметъ начальная школа, если въ ней будетъ господствовать ксендзъ, и въ какую жалкую роль будетъ поставленъ назначаемый правительствомъ народный учитель,—безправный и находящійся всецѣло въ рукахъ ксендза. Получивши указъ, Александръ Львовичъ былъ въ великомъ горѣ, но не палъ духомъ: не такой онъ былъ человѣкъ. Предварительно приведенія въ исполненіе Высочайшаго указа, Апухтинъ, чрезъ министра народнаго просвѣщенія, исходатайствовалъ Высочайшую аудіенцію, отправился въ Петербургъ, представился Государю и доложилъ Его Величеству, какая опасность будетъ грозить начальной школѣ и спокойствію края, если судьба школы и направленіе въ ней педагогической дѣятельности будетъ находиться въ рукахъ ксендза. Чуткій русскою душою къ интересамъ государственнымъ, Императоръ Александръ III понялъ изъ доклада попечителя Апухтина, какая опасность грозила начальной школѣ при отдачѣ ея подъ контроль ксендза, и, чтобы ослабить дѣйствіе обнародованнаго уже указа, былъ изданъ дополнительный законъ, въ силу котораго назначеніе ксендза попечителемъ начальной школы могло послѣдовать не иначе, какъ съ согласія попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Этимъ было ослаблено господство ксендза въ школѣ и въ попечители школы не могли пройти ксендзы, явно враждебные правительству и проникнутые антигосударственными и сепаративными тенденціями.

Апухтинъ не стѣснялся говорить правду и самому Государю. Когда въ одну изъ аудіенцій, Государь, видимо, недовольный и разстроенный волненіями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обратился къ Апухтину со словами: „у васъ и въ Ново-Александріи бунтуютъ“, вмѣсто прямого отвѣта Апухтинъ началъ докладъ Государю слѣдующими словами: „Ваше Величество! Первый бунтъ былъ такого-то числа въ такомъ-то учебномъ заведеніи; такого-то числа тамъ-то, при чемъ Апухтинъ перечислилъ послѣдовательно всѣ учебныя заведенія и время происходившихъ въ нихъ бунтовъ и затѣмъ доложилъ, что бунтъ въ Варшавскомъ университетѣ произошелъ послѣ того, когда произошли бунты во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и когда пріѣхали въ Варшаву изъ Имперіи агенты, а бунтъ въ Ново-Александрійскомъ институтѣ произошелъ уже послѣ бунта въ Варшавскомъ университетѣ, послѣднимъ, при

этомъ относительно Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства Апухтинъ доложилъ, что тамъ студенты бунтуютъ прямо отъ нечего дѣлать, такъ какъ, вслѣдствіе отказа министра народнаго просвѣщенія въ средствахъ, институтъ не имѣетъ надлежаще оборудованныхъ кабинетовъ и лабораторій, и студенты, помимо лекцій, остаются совершенно безъ занятій. Государь милостиво согласился съ доводомъ Апухтина и повелѣлъ ассигновать необходимыя средства на оборудованіе Ново-Александрійскаго института учебными пособіями.

Вообще Императоръ Александръ III цѣнилъ дѣятельность Апухтина. Вотъ дословная копія изъ письма, въ которомъ Александръ Львовичъ описываетъ женѣ свою аудіенцію у Государя въ январѣ 1890 года: „у Государя я пробылъ около 15 минутъ. Его Величество изволилъ меня разспрашивать про университетъ, гимназію, про техническое образованіе, про недавно Имъ утвержденные планы французскаго и нѣмецкаго языковъ при первой женской гимназій, и когда я доложилъ Ему, что графъ Иванъ Давыдовичъ приказалъ ихъ устроить по образцу класса учительницъ при Николаевскомъ институтѣ, Государь, сказалъ: „Это очень хорошо“. Затѣмъ Государь улыбнулся и сказалъ: „Вы хотите перейти въ Человѣколюбивое общество?“ Я отвѣтилъ, что уже отказался отъ новаго мѣста и остаюсь на своемъ прежнемъ. На это Государь изволилъ мнѣ сказать: „Я очень радъ, что вы остаетесь. На ваше мѣсто очень трудно найти человѣка, а если бы и найти, то во всякомъ случаѣ новый человѣкъ будетъ нѣчто въ родѣ лотереи; Богъ его знаетъ, каковъ бы онъ былъ, васъ Я знаю. Кромѣ того, новому человѣку въ Варшавѣ все будетъ ново, а вамъ, Я думаю, извѣстенъ въ округѣ всякій уголокъ“. За тѣмъ Его Величество отпустилъ меня и, удостоивши меня крѣпкаго рукопожатія, изволилъ сказать еще разъ: „Очень радъ, что вы остаетесь“. Когда я рассказалъ, прибавляетъ въ письмѣ Александръ Львовичъ, графу Ивану Давыдовичу мое представленіе Государю слово въ слово, то онъ выразился такъ: „Прекрасно, Александръ Львовичъ! Эти слова Государя выше всякой награды; это своего рода Андрей Первозванный“.

Главная заслуга Александра Львовича Апухтина, какъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, та, что онъ съ неутомимою энергіею и непреклонною желѣзною волею стремился поставить и поставилъ русскій языкъ въ школѣ, какъ языкъ государственный, и русскій языкъ сталъ языкомъ государственнымъ не по буквѣ только закона, но чрезъ надлежаще организованную школу проведенъ и въ самую жизнь. Эта заслуга Александра Львовича отмѣ-

чена и въ Высочайшемъ рескриптѣ, при увольненіи его въ отставку, съ назначеніемъ сенаторомъ, данномъ на его имя Государемъ Императоромъ Николаемъ II. „Я почитаю, говорится въ рескриптѣ, отнестись съ полною признательностію къ достойному, свѣше полувѣковому, служенію Вашему на военномъ и гражданскомъ поприщѣ и особенно къ семнадцатилѣтней дѣятельности Вашей на трудномъ и отвѣтственномъ посту въ Варшавѣ, куда, по волѣ дѣда моего Императора Александра II, Вы были призваны для высшаго руководства воспитаніемъ юношества въ Царствѣ Польскомъ.

„Ревностнымъ и неуклоннымъ стремленіемъ къ упроченію знанія русскаго языка въ многочисленныхъ школахъ края и всегдашнимъ стараніемъ поддержать единеніе его съ Имперіей Вы снискали себѣ довѣріе въ Бозѣ почившаго родителя Моего, Который, несмотря на Вашу просьбу о перемѣнѣ дѣятельности, призналъ необходимымъ продолженіе вашего служенія въ Варшавскомъ округѣ. Желаю, чтобы и преемники Ваши по должности твердо и неуклонно охраняли начала, кои положены Вами въ основу воспитанія польскаго юношества“.

Служба при Апухтинѣ была не легка, но за то пріятна и плодотворна. Каждый бодро шелъ своею дорогою и дѣлалъ свое дѣло, ибо зналъ, въ чемъ оно состояло, и что отъ его дѣятельности требовалось; не было шатаній и компромиссовъ, было впереди только одно ясно опредѣленное дѣло. Это придавало каждому служащему бодрость въ дѣятельности и увѣренность, что въ лицѣ попечителя каждый найдетъ надлежащую оцѣнку своей дѣятельности и твердую защиту, поэтому учебныя заведенія въ лицѣ своихъ начальниковъ и русскаго персонала, а иногда и польскаго, умѣли цѣнить своего попечителя и выражали ему чувства своего расположенія и уваженія. Многія учебныя заведенія, въ свою очередь, пользовались такимъ же вниманіемъ и покровительствомъ Апухтина. Радомская гимназія, въ которой авторъ настоящихъ воспоминаній объ А. Л. Апухтинѣ состоялъ продолжительное время на службѣ, принадлежала къ числу учебныхъ заведеній, которыя умѣли цѣнить высокія заслуги своего попечителя и пользовались его покровительствомъ и расположеніемъ.

При попечителѣ Апухтинѣ въ Радомской мужской гимназій устроенъ великолѣпный актовый и гимнастическій залъ, устроена въ старой актовой залѣ временная соборная Свято-Николаевская церковь, обращенная, съ возведеніемъ новаго собора, въ гимназическую церковь; устроенъ обширный, помѣщавшійся въ 46 комнатахъ, прекрасно обставленный, съ электрическимъ освѣщеніемъ, отдѣльными зданіями для больницъ, фруктовымъ садомъ, площад-

ками для игръ и проч. интернатъ для учащихся на 120 душъ; за наемъ одного помѣщенія подъ интернатъ гимназія платила въ годъ, изъ суммъ пансіона, 4.500 рублей; помѣщенія гимназіи отремонтированы и расширены посредствомъ перестроекъ въ старыхъ флигеляхъ; устроено во всемъ зданіи электрическое освѣщеніе, а въ классахъ и залахъ электрическая вентиляция; устроена чайная для учащихся и столовая для завтраковъ учениковъ общежитія въ гимназіи; при гимназіи устроена метеорологическая станція, причисленная Главною физическою обсерваторіей въ С.-Петербургѣ къ станціямъ третьяго разряда; бюллетени метеорологическихъ наблюдений печатались при „Отчетахъ“ гимназіи и сообщались Главною обсерваторіи; открыта также Ссудо-сберегательная касса для служащихъ въ Радомской мужской гимназіи. Все сдѣлано при участливомъ отношеніи и покровительствѣ попечителя округа Апухтина, и гимназія, какъ упомянуто выше, умѣла цѣнить своего попечителя.

Въ день празднованія Александромъ Львовичемъ Апухтинымъ 50-лѣтія его государственной дѣятельности, ему отъ гимназіи былъ поднесенъ, въ великолѣпной папкѣ, адресъ слѣдующаго содержанія: „Педагогическій Совѣтъ Радомской мужской гимназіи почтительнѣйше привѣтствуетъ Ваше Превосходительство, своего досточтимого начальника, твердаго и многоопытнаго руководителя въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества въ духѣ вѣрноподданнѣйшей преданности Царю и Россіи, съ полувѣковымъ юбилеемъ неутомимыхъ самоотверженныхъ трудовъ достославнаго служенія Вашего Престола и Отечеству и въ этотъ знаменательный въ Вашей жизни день, отъ полноты признательныхъ сердець, выражаетъ самое искреннее и глубокозадушевное желаніе Вамъ долгой и счастливой жизни и дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія и для блага Россіи, которой дорога жизнь того, кому Державная воля ввѣрила на многотрудномъ посту попечителя Варшавскаго учебнаго округа осуществленіе своихъ мудрыхъ и благодѣтельныхъ предначертаній. Да хранитъ Васъ Богъ на многія лѣта“. Согласно опредѣленію Педагогическаго Совѣта на средства служащихъ Радомской мужской гимназіи сооруженъ для актовой залы гимназіи поясной портретъ А. Л. Апухтина въ богатой рамѣ, исполненный учителемъ рисованія И. А. Пинко. При выходѣ Александра Львовича Апухтина въ отставку ему отъ Радомской гимназіи были поднесены: адресъ, альбомъ видовъ Радомской гимназіи, а также „Отчеты“ и другія печатныя изданія гимназіи.

Вышедши въ отставку, Александръ Львовичъ Апухтинъ не переставалъ интересоваться дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ, поддержи-

валь доброжелательныя отношенія со многими изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ и весьма дорожилъ оказываемымъ ему вниманіемъ и памятью о прежней совмѣстной службѣ съ нимъ.

Вотъ какимъ душевнымъ письмомъ отвѣтилъ онъ директору Радомской гимназій, отъ 29 ноября 1898 года на посланную имъ Александру Львовичу телеграмму въ день его ангела. „Вы не повѣрите, какъ мнѣ было пріятно получить Вашу телеграмму и, слѣдовательно, знать, что съ перерывомъ служебныхъ отношеній не порвалась у меня связь съ дорогими моими прежними сослуживцами. Благодарю за это Бога. Значить, кромѣ службы, было у насъ съ Вами нѣчто человѣческое. Значить, что и служба наша совмѣстная была Вамъ по душѣ, мы съ Вами были одного направленія. Молю Бога, чтобы это направленіе, несмотря ни на что, удержалось бы“.

Всякій успѣхъ учебнаго дѣла въ Варшавскомъ округѣ сердечно радовалъ Александра Львовича, ибо служилъ доказательствомъ того, что округъ оставленъ имъ не въ расшатанномъ состояніи. Вотъ какимъ доброжелательнымъ письмомъ, отъ 17 іюня 1897 года, отвѣтилъ директору Радомской гимназій Александръ Львовичъ на письмо послѣдняго къ нему, въ которомъ онъ описывалъ Апухтину посѣщеніе Радомской гимназій его преемникомъ попечителемъ В. Н. Лигинымъ и варшавскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Имеретинскимъ и извѣщалъ его о высказанномъ княземъ удовольствіи по поводу состоянія гимназій. „Не знаю, какъ и благодарить Васъ, писалъ Александръ Львовичъ директору, за Ваше обстоятельное письмо отъ 11 іюня с. г. о посѣщеніи Вашей гимназій генераль-губернаторомъ и попечителемъ. Вездѣ, гдѣ они были, все найдено хорошо, а въ Вашей гимназій, какъ видно, все найдено и прекраснымъ. За Васъ я этому радуюсь и особенно доволенъ тѣмъ, что Валеріанъ Николаевичъ, въ бытность мою на Троицу въ Варшавѣ, при свиданіи со мною, очень мнѣ Васъ хвалилъ, подтвердивъ тѣмъ мой отзывъ о Васъ. Для себя въ такомъ мнѣніи о Васъ и о Вашей гимназій, какъ попечителя, такъ и князя, я нахожу то нравственное удовлетвореніе, что округъ далеко не таковъ, какимъ оклеветали его предъ княземъ, и директора въ немъ не взяточники и не притѣснители дѣтей польскаго происхожденія, а почтенные и честные люди, умѣющіе воспитывать этихъ дѣтей въ преданности русскому Государю, и не ихъ вина, если университетъ и Варшава изъ гимназистовъ дѣлаютъ студентовъ повстанцевъ. Думаю, что, если князь честный человѣкъ, то о томъ, какъ онъ находитъ учебныя заведенія Варшавскаго округа, онъ засвидѣтельствуетъ предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія“.

Александръ Львовичъ очень скорбѣлъ, что, съ уходомъ его, все, что сдѣлано было въ Царствѣ Польскомъ съ такимъ трудомъ въ дѣлѣ присвоенія русскому языку значенія языка государственнаго, при новыхъ вѣяніяхъ будетъ разрушено. Эту мысль онъ высказалъ Государю Императору во время прощальной аудіенціи. Его Величество ободрилъ Апухтина, что „все, сдѣланное имъ, останется по-прежнему“. На это Апухтинъ сказалъ: „Если, Ваше Императорское Величество, изъ зданія вынимать по бревну, то самое крѣпкое зданіе наконецъ рухнетъ“. Предчувствіе Александра Львовича оправдалось еще до начала революціи, когда только праздновали наступленіе „весны“.

Но заслуги Александра Львовича Апухтина останутся для Россіи незабвенны навсегда. Дѣятельность его для Россіи имѣетъ историческое значеніе, а по своему твердому характеру, непреклонной волѣ и непоколебимой настойчивости въ стремленіяхъ къ осуществленію общегосударственныхъ принциповъ, по преданности Престолу и Отечеству Александръ Львовичъ Апухтинъ достоинъ занять мѣсто на-ряду съ выдающимися государственными мужами и дѣятелями земли русской.

В. Смородиновъ.

